



Олег Калинин

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Олег Калинин
Билет в один конец

«Автор»

2026

Калинин О.

Билет в один конец / О. Калинин — «Автор», 2026

Он — полковник ГРУ в отставке. Восемьдесят четыре года, три ранения, две контузии и бесконечная усталость от жизни, Однажды за его окном появляется синяя точка. Она предлагает ему билет в один конец — в 397-й год до нашей эры. Задание: заложить базу для цивилизации, которая наблюдает за мирами. Условия: полное омоложение и никаких гарантий возвращения. У него есть девяносто дней, чтобы продать квартиру на Арбате, забрать деньги, найти оружие, припасы и исчезнуть навсегда. Но Москва не отпускает просто так. За ним охотятся бандиты, коллеги из ФСБ и те, кто не хочет, чтобы он ушёл в прошлое. Сможет ли старый разведчик вырваться из лап современного мира? И что ждёт его там, где вместо людей — племена, вместо домов — землянки, а вместо законов — только сила? История о том, как одинокий пенсионер решает стать первопроходцем. О том, что возраст — не приговор, если у тебя есть браслет-куратор и старый армейский юмор. Концовка — только в конце. И она вас удивит.

© Калинин О., 2026

© Автор, 2026

Олег Калинин

Билет в один конец

Глава 1

1.1

Точка за окном

Он зашел в магазин и материл цены сквозь зубы.

Восемьдесят четыре года, боевой офицер, полковник запаса ГРУ, две контузии и 3 ранения, а ломаешь голову, брать батон нарезного или кирпич черного, потому что разница в девять рублей. Смех, да и только. Юрий Петрович переложил авоську в другую руку — пластиковые пакеты он принципиально не признавал, считал их мусором — и остановился у лотка с зеленью. Петрушка сорок пять рублей пучок. Совсем охренели.

— Здоровье, говорят, дороже, — буркнул он себе под нос, кидая зелень в корзину. — А деньги, выходит, дешевле.

В магазине, как всегда, была толчея и этот дурацкий электронный ценник, на который без очков и не взглянешь. Очки он вечно забывал дома, потому что они делали его похожим на старого профессора, а не на боевого офицера. Хотя какой он теперь офицер. Так, пенсионер с авоськой.

Продавщица, полная женщина с глазами уставшей лошади, глянула на него с жалостью:

— Юрий Петрович, взяли бы корзинку. Вон, молодежь на тележках катает.

— Я эту авоську, Люба, из Берлина привез в семьдесят третьем, — ворчливо ответил он без тени улыбки. — Она меня переживет. Хотя и тележки эти ваши — тоже.

До дома плелся не спеша. Ноги гудели, хотя прошел всего ничего — от магазина у «Смоленской» до своего дома рядом с Новым Арбатом. Раньше тут улица называлась иначе, и дворы были тихие, с тополями. Теперь кругом стекло и бетон, китайцы фоткаются на фоне высоток, туристы трутся у «Книжки» — длинного здания, похожего на раскрытый том.

Раньше здесь пахло Москвой. Бензином, конечно, тоже воняло, но было что-то свое, родное. А теперь — сплошной глянец.

Чужой стал город.

Или это он сам стал чужим.

Двор, впрочем, еще держался. Сталинская шестиэтажка с колоннами — то ли пленные немцы строили, то ли наши после войны, никто уже не помнил. Во дворе — тополя, еще довойной посадки. Корни повыворачивали асфальт, теперь вместо дороги — заплатки, ямы и веч-

ные лужи. У подъезда лавочка. Раньше там сидели бабки с платочками и семечками. Теперь — новые: с модными стрижками и собачками, похожими на крыс. Эти на него даже не взглянули.

Подъездная дверь тяжелая, дубовая, с медной ручкой — еще родная, 40-х годов. Раньше здесь вахтер сидел, теперь домофон висит, но работает через раз. Юрий Петрович толкнул дверь плечом, вошел в прохладный полумрак.

Лифт — старая шахта, еще с той эпохи. Решетка гармошкой, деревянные поручни отполированы миллионами ладоней. Лампочка под потолком мигает, будто тоже доживает последние дни. Кнопка с цифрой «6» стерлась почти до дыр — он нажал по памяти, на ощупь.

Лифт дернулся, заскрипел, пополз вверх медленно, со старческой одышкой. Между этажами замирал на секунду — будто думал: ехать дальше или плюнуть и остановиться к чертям.

Юрий Петрович привык. Он вообще ко многому привык за эти восемьдесят четыре года. К скрипу в коленях по утрам. К тому, что дети звонят раз в месяц по праздникам. К тому, что друзей почти не осталось — одни фамилии на граните.

Пятый этаж. Шестой.

Квартира встретила запахом пыли и старых книг.

Три комнаты, высокие потолки, лепнина на карнизах. Когда-то здесь жили большие люди — то ли наркомы, то ли артисты. Потом уплотняли, разменивали, а ему дали в 87-м, когда вернулся из последней «командировки».

Мебель — старая, добротная, дуб и карельская береза. Диван с резными подлокотниками, буфет с посудой, из которой никто не ест, стол на толстых ножках — за таким можно роту посадить. И танцевать на нем, если припрет.

Вокруг, вдоль стен, висели стеллажи с книгами — от пола до потолка, сплошной стеной. Здесь был и Кант на немецком, привезенный еще из Германии в офицерском чемодане в восьмидесятых, и военные мемуары на английском, купленные у букинистов в Лондоне, когда ездили с женой по туристической путевке, и томик Омара Хайяма на фарси, добытый в Иране при странных обстоятельствах, о которых лучше было не распространяться. Библиотека собиралась всю жизнь, по крупицам, по всему миру. Настоящее богатство. Только читать уже тяжело — глаза устают, и буквы прыгают.

На стенах — фотографии. Черно-белые, цветные, выцветшие. Группа молодых лейтенантов из училища, он второй слева, еще с шевелюрой. Сайгон, 65-й, на фоне хижин, с автоматом и улыбкой, которой уже давно нет. Все молодые, все улыбаются, все живы.

Хотя нет — только он один и остался из всего того взвода.

Юрий Петрович прошел на кухню, поставил чайник, достал батон. Плита газовая, с чугунными решетками — коптит по-черному, но менять не хочет. Привык. Холодильник «ЗИЛ», рыжий от старости, гудит как трактор. На подоконнике герань — поливает раз в неделю, когда вспомнит, что она вообще существует.

И вот тут, на этом самом подоконнике, за стеклом, прямо на уровне форточки — он замер.

Висела точка.

Маленькая, с горошину. Пульсировала слабым синим светом. Не насекомое. Не блик от машин. Не фара вертолета. Просто висела в воздухе — будто так и надо.

— Оптика сдает, — сказал он вслух и полез в карман за очками.

Очки были старые, еще с советскими стеклами, в роговой оправе — такие теперь только в кино носят. Он надел их, протер глаза.

Точка не исчезла.

И тут в голове включился голос.

Четкий, безэмоциональный, режущий прямо в мозг, минуя уши. Ни интонаций, ни возраста — просто поток информации, который укладывался в сознании аккуратными, будто по линейке, фразами. Словно старая опытная жена отдающая одни и те же приказы в сотый раз.

— Гражданин Земли. Требуется доступ. Откройте форточку. Канал открыт. Время сеанса ограничено. Тринадцать минут.

— Ты кто? — спросил он вслух. Голос не дрожал. За шестьдесят лет службы привык спрашивать, даже когда внутри все переворачивалось. — Что за канал? Отвечай.

— Оператор стабилизации. Иномер. Можно называть «Наблюдатель». Идентификатор неважен. Канал — временная петля между точками реальности.

Юрий Петрович не вздрогнул. За тридцать лет службы в ГРУ он привык к таким сюрпризам. Привык, что реальность может трещать по швам в любую секунду. Только рука сама собой легла на пояс, туда, где раньше висела кобура с «макаровым».

Пусто. Давно пусто.

— Ну допустим, — сказал он спокойно, глядя на точку. Внутри что-то ёкнуло, но голос не дрогнул. — А если я не хочу открывать?

Пауза. Точка мигнула ярче.

— Вскрытие барьера возможно принудительно. Но регламент требует запроса согласия. Это вежливость.

— Вежливость, — хмыкнул старик. — Откель вы такие вежливые?

Он все-таки открыл форточку. Не потому что испугался или поверил, а из чистого любопытства. Всю жизнь учили: не можешь оценить угрозу — дай ей проявиться.

Синий огонек скользнул внутрь, повисел над столом, над непечатым батоном, над кружкой с заваркой — и застыл напротив его лица, прямо на уровне глаз.

— Юрий Петрович Сомов. 1941 года рождения. Полковник запаса. Главное разведывательное управление. Семнадцать спецопераций. Девятнадцать, если считать командировки в Анголу и Мозамбик. Три ранения. Две контузии. Четыре языка: немецкий, английский, фарси, пушту. Адаптивность в экстремальных условиях — 94 процента. Кандидат для миссии.

— Ох ты ж, — старик почесал щетинистую щеку. — Досье на меня накопили. Там Анголу до сих пор засекретили, а вы, значит, знаете. И что дальше?

— Предложение. Транспортировка объекта в 397-й год до нашей эры. Параллельный вектор пространства-времени. Задача: закладка двух базовых станций для стабилизации канала. Последующее использование — прыжки цивилизации Наблюдателей в другие миры.

Точка замолкла. Чайник на плите закипел, щелкнул выключателем. Юрий Петрович машинально заварил чай, налил в любимую кружку с облупленным орлом — еще дедовский подарок, с царских времен, говорят — сел напротив синего огонька.

— В четыреста... какой год? — переспросил он, будто уточнял адрес явки у связника. — Ты объясни, служба, толком. Я старый человек, мне сказки на ночь не нужны. Что за базы? Кому это надо? И почему я?

— Цивилизация Наблюдателей. Мы стабилизируем переходы между мирами. Приоритет данного канала наивысший. Ваши параметры — выживаемость, психологическая устойчивость, адаптивность, языки, опыт работы в тылу врага — дают 61,4 процента успеха. Это в пять раз выше среднего земного показателя. Вы — оптимальный кандидат из доступной выборки».

— Шестьдесят процентов, — усмехнулся Юрий Петрович, помешивая ложечкой чай. Ложечка тихо звякала о края кружки. — Да я в Анголе с тридцатью процентами в бой шёл. Считаю, почти гарантия. А обратно как? Возвращение предусмотрено?

Отправка - односторонняя. База закладываются для стабилизации и выживания данной цивилизации. Вы — первопроходец. Возвращение в вашу временную линию технически возможно, но нецелесообразно. Высокие энергозатраты. Срок миссии - бессрочно.

Он отхлебнул чай. Тот давно остыл, пока он слушал эту ахинею. Но голова была ясная, и точка не исчезала, и голос в голове звучал слишком реально, чтобы быть глюком.

Значит, либо провокация спецслужб — проверка старика на вшивость, либо правда.

А если правда...

— Тело у меня, — он постучал себя по колену, по которому радикулит бил уже который год, — вон, скрипит. Спина, давление, простата, холестерин зашкаливает. Сердце по ночам пошаливает. Какой из меня, к черту, первопроходец? Я через дорогу перейду — и то задыхаюсь.

— Коррекция биологии предусмотрена. Регенерационный цикл в капсуле восстановления. Возврат к физическому состоянию двадцати пяти лет. Полное обновление клеточной структуры. Процедура болезненная. Но результативная.

Старик вдруг представил: двадцать пять лет.

Спина не ноет. Колени не стреляют. Встаешь утром — и не надо раскачиваться полчаса, чтобы разогнуться. Девки на танцах смотрят, как тогда, в 60-м, когда демобилизовался и ходил в городской парк в хромовых сапогах и медалями на все пузо.

И тут же сам себя оборвал: дурак старый, о чем думаешь? Тебе миссию длиною в жизнь предлагают, а ты о девках.

— Дополнительно: браслет-куратор, — продолжал голос. — Встроенное хранилище в ином пространстве. Пять тысяч метрических тонн вместимость. Наполнение — самостоятельно, до старта. Срок генерации капсулы омоложения — немедленно. Транспортировка — через девяносто дней. Требуется ваше согласие.

На столе лежал простой металлический браслет. Серый, невзрачный, будто от старых командирских часов «Победа». Только без циферблата — гладкий ободок.

Юрий Петрович протянул руку, повертел в пальцах. Легкий, почти невесомый.

— А ну покажи, — скомандовал он, надевая браслет на запястье.

Металл приятно охлаждал кожу, потом нагрелся, будто прирос. Браслет мигнул, и перед глазами возникла голограмма. Склад. Огромный, пустой ангар, уходящий в бесконечность. Ни стеллажей, ни полок — просто пространство, готовое принять груз. А в углу голограммы — бегущая строка: «Доступный объем: 5000 т / 2 килограмма».

— Ни хрена себе закрома, — присвистнул старик. — Туда что, танк можно засунуть?

— Можно. Танк. Ограничение только по массе. Объем не лимитирован.

Юрий Петрович сидел, крутил браслет на руке, смотрел на синюю точку, которая терпеливо ждала, и думал.

Восемьдесят четыре года. Квартира на Арбате, из которой через пару лет его все равно вынесут вперед ногами. Книги, которые никто не читает. Петрушка по сорок пять рублей. Внуки и дети, которые звонят раз в месяц и то когда деньги нужны. И пустота, от которой никуда не деться, сколько ни пей чай с орлами на кружке.

— А там что? — спросил он вдруг, кивнув куда-то в сторону форточки, в вечернее небо над Москвой. — В этом вашем 397-м году до нашей эры. Что за люди, что за звери? Выжить вообще можно?

— Данные приблизительные. Территория — Восточно-Европейская равнина. Климат умеренный, несколько холоднее современного. Биоценоз переходный, мегафауна частично сохранилась. Крупные хищники: пещерные львы, саблезубые кошки вымирают, медведи,

волки. Люди — племена, ранний железный век. Языковая группа — протоиндоевропейская, родственна германским и славянским. С вашими способностями будете понимать примерно через месяц контакта.

— Пещерные львы, значит, — хмыкнул Юрий Петрович. — Ну, с волками мы воевали, с людьми тоже. Львы — не проблема, был бы ствол. А ствол, стало быть, не дадите?

— Оружие — на ваше усмотрение. Хранилище позволяет взять любой груз. Ограничений нет. Но технологии выше определенного уровня могут не работать из-за различий в физических константах. Электроника — скорее нет. Огнестрельное оружие — да, при наличии боеприпасов. Рекомендуются холодное оружие, средства выживания, семена, инструменты.

— Понятно, — кивнул старик, словно ему докладывали обстановку перед заброской в тыл врага. — Значит, упор на базу, на хозяйство. Места знакомые, хоть и дикие. Климат холоднее — это плохо. Дрова, теплая одежда, жильё капитальное.

А если я откажусь?

Вариант возможен - переключение на другого кандидата.

Дальнейшее развитие событий у кандидата с вероятностью 98% - смерть от инфаркта в ближайшие 3-4 года. Варианты развития событий просчитаны.

Сволочь ты ответил полковник.

Он встал, прошелся по кухне, поскрипывая старым паркетом. Подошел к стеллажу, провел пальцем по корешкам. Клаузевиц, Макиавелли, Суворов. Мемуары Деникина, запрещенные когда-то, а теперь пылятся рядом с советскими уставами.

Взгляд упал на фотографию взвода. Молодые ребята, улыбаются в объектив, будто не завтра в бой.

Никого нет. Только он.

— Пиши, — сказал он глухо, оборачиваясь к точке. Голос вдруг стал твердым, командирским, как в старые времена. — Полковник запаса Сомов. К выполнению особого задания готов. Раз согласия просите — значит, даю.

Синий огонек ярко вспыхнул, осветив кухню мертвенным голубоватым светом. В углу зашипел и погас старый ламповый телевизор, который Юрий Петрович включал только по праздникам. На столе, в кружке с остывшим чаем, вода вдруг забурлила и закипела снова, будто ее нагрели изнутри.

На столе, прямо возле холодильника, там, где лежал браслет секунду назад, вдруг возникла небольшая выпуклость. Начала расти, пульсировать, наливаясь матовым светом, и через минуту, на месте стола стояла капсула.

Похожая на гигантское яйцо. Или на саркофаг. Или на спасательную капсулу с подводной лодки. Металл переливался, дышал, будто живой.

— Начало регенеративного цикла. Процедура запущена. Рекомендуется немедленный вход. Длительность цикла — двое местных суток.

Юрий Петрович посмотрел на недопитый чай, на батон, так и оставшийся лежать в целлофане, на пульсирующую синюю точку под потолком и на капсулу, которая тихо гудела, приглашая внутрь.

— Эх, была не была, — крикнул он и полез расстегивать рубашку. Пуговицы не слушались, пальцы дрожали — то ли от волнения, то ли от старости. — Хоть помру молодым. А не помру — так хоть подохну не в очереди за петрушкой.

Дверца капсулы бесшумно отъехала в сторону. Пахнуло озоном и еще чем-то сладким, приторным — то ли лекарством, то ли надеждой, то ли молодостью, которую он потерял шестьдесят лет назад.

Старик шагнул через порог. Шагнул в этот запах, в этот свет, в эту неизвестность — и подумал на прощание, уже проваливаясь в сон или в беспмятство:

Хоть бы спину не забыли починить. А то двадцать пять лет, а спина — это ж обидно будет.

И девки... девки же смотрят...